

Станислав Колчин

Неизбежность

До встречи в Гиперборее

Все мои стихи — разговор с тобой
 Через десять лет или пять веков.
 Может, мы прошли разною тропой,
 Жили и росли слишком далеко,
 Но я понял вдруг: ты не родилась
 На Земле сейчас, но ещё придёшь.
 И увидишь, как мрак окутал нас,
 И омоет боль с глаз солёный дождь,
 И, когда тоска твой погубит сон,
 Помни, знай и верь: ты здесь не одна.
 Склованы мечтой мы со всех сторон,
 И открыта нам тайная страна.

Истоки

Когда-нибудь тоска возьмёт своё,
 И я вернусь к молчанию древних стен...
 Седая Русь пред взором предстаёт
 Здесь юной девой в башне из легенд.
 И стережёт то место страшный Змей,
 Которого и нет, но как бы есть.
 Найди его в себе и одолей:
 Проснётся Русь, твою услышав песнь.
 И слёзы радости с водой семи ключей
 Сольёшь ты бережно в желании узреть
 Иконный лик той девы, блеск очей,
 Улыбку светлую, но судеб круговерть
 Закружит... Не ищи той девы здесь —
 Она лишь в памяти, как та, бывшая Русь,
 Что дремлет в замке, ждёт благую весть,
 И ждёт меня, и знает, что вернуться.

Лада

Твоя любовь необъяснима,
 Подруга самых тёмных дней.
 Всегда вблизи была незримо,
 Но приходила не ко мне.
 Ты не одна, но одинока,
 В гармонии невесела,
 И чтут рабы твои пороки,
 Как крохи с царского стола.
 Мелькнула нежность не случайно
 В твоих целительных речах,
 Богиня, чья природа — тайна
 И чьё проклятие — печать
 Безбрачия в воротах ада
 Бесстрастия... Во тьме ночной
 Ко мне не приходила Лада —
 Она всегда жила со мной.

Три облика России

Россия-мать, прости меня, прости.
 Я был жесток и не прощал ошибок,
 Хоть шёл след в след по скорбному пути,
 Чтил боль и славу в память о прожитых
 Давно веках. Потом в своей жене
 Я узнавал тебя, чтоб вновь влюбиться,
 И всё, что есть, беспамятной стране
 Отдать без ропота, и с ней навеки слиться,
 Чтоб в будущем пришла Россия-дочь.
 Неведомая, дерзкая, родная.
 Всё для неё! Но ей нельзя помочь —
 Я никогда её не повстречаю.

Неизбежность

До рассвета ещё сотни и сотни лет...

С. Сёмина. Есенин

Здесь, у края
самой последней мечты,
Я отучаюсь
напрасно чего-то ждать.
Жить надо проще,
я так сумел
почти.

Быт мне поставит
страшным клеймом печать:

«Годен к смиренью,
годен, чтоб быть винтом», —
Но не свободу
кровью своей питать —
Древо иллюзий
в Поле Чудес.

Потом
молча исчезнуть,
пыл потеряв и стать,
чтобы однажды
в белой морозной тьме
выйти в свой город —
а города больше нет...

Я ничего и сделать
не смог посметь,
Я не заметил —
наш исчезает след.

Рокот событий
плыл на чужой волне.
Были герои.
Подвиг не нужен, пуст.

Были певцы,
равные тем вполне,
Что уж ушли,
что спели

«Сорокоуст»,
Что пролетел
над лесом — и в тишину...
Поезд спешит,
и «винтики» в нём скрипят,
Не узнаю,
не знаю свою страну —

Я потерял её
множество лет назад.
Надо быть проще,
чтобы к тебе тянулись,
Надо хоть выжить,
память свою сберечь.
Ночью пройдёт Орда.
В пепле сожжённых улиц
я буду ждать
и новую строить Сечь.

Вопреки

Вот уж нет! Не пишу я стихи о ней —
Я кричу о России, срывая голос.
Только поезд всё так же летит в огне,
Впереди всё так же маячит пропасть.

И уж нет! Не пишу я стихи о ней,
Осознав: стоп-кран отыскать не в силах,
Крепко спит народ в непробудном сне,
Ждёт чудес. Не придёт Мессия.

И уж нет! Не пишу я стихи о нём —
Если Бог и был, то Он нас оставил...
Но в предсмертной тьме мы ещё поём,
И придёт рассвет вопреки всех правил.

Обычная девушка

Не следует за мной и не зовёт к себе.
И для меня она, скорей, из тех, кто жив,
Даря тепло другим и раньше, и теперь,
Пожар её души ничем не потушить.

Мы всё равно умрём и не найдём свой путь,
Бумажные следы умножит смерть на ноль.
Но будет длиться жизнь без нас когда-нибудь.
Не стоит сожалеть — здесь так заведено.

Она за сотни вёрст продолжит тихо жить:
Мечтать, творить, любить и зажигать свой свет.
А я не буду ждать: зачем мне миражи?
Стихи её со мной, её же рядом нет.